

Виктор Моисеевич Далин

«АГЕНТ СВЯЗИ» БАБЕФА — ДИДЬЕ-ЖУРДЕИЛЬ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Из ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ

И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИИ

Сборник статей в память

академика Евгения Викторовича Тарле

М.: изд-во АН СССР. 1957. С.244-257

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Тематически связанные материалы даны нами после статьи

Биографии важнейших участников бабувистского движения изучены еще совершенно недостаточно. Только за последние годы биография Филиппа Буонарроти стала предметом серьезного и тщательного изучения, но о других руководителях бабувистской организации, об их роли на первых этапах революции, их поведении после Вандомского процесса, в последние годы директории, до и после 18 брюмера — мы почти ничего не знаем. Лучшим доказательством этого служит тот факт, что об одной из центральных фигур в движении, единственном «агенте связи», связывавшем «повстанческую директорию», военный комитет и 12 районных агентов, Дидье-Журдейле, «главной пружине (*cheville ouvrière*)» всей организации, как совершенно правильно характеризует его автор новейшей, ценной монографии о Буонарроти, Арман Саитта¹, нет еще ни одной биографической заметки.

Буонарроти в своем письме к Бронтерру О'Брайену, впервые назвав фамилию Дидье (в первом издании его книги в 1828 г. она была зашифрована — Эндиди), ограничился глухим указанием — «слесарь» (*smith*)². Это было естественно, так как Дидье в то время еще жил и упоминание о нем могло ему повредить. Но почти через сто лет Морис Домманне, один из лучших знатоков движения Бабефа, ограничился короткой и не совсем точной справкой: «Дидье, бывший красильщик в Шуазиле-Руа, затем присяжный революционного трибунала, потом слесарь в Париже»³. Альберт Матъез, в своей «Директории», говорит об агенте связи Дидье: «простой слесарь, бывший телохранитель Робеспьера, закадычный друг семьи Дюпле»⁴. Ж. Вальтер, новейший биограф Бабефа, повторяет то же утверждение: «был только один агент связи, Дидье, простой рабочий — слесарь»⁵. Жорж Лефевр, мимо внимания которого не прошла нелегальная деятельность Дидье во время империи, характеризует его как якобинца⁶.

Среди двенадцати районных агентов Бабефа были люди, обладавшие значительным опытом революционной деятельности, такие, как Клод Менесье, член Совета Коммуны 10 августа, комиссар в Тампле по охране Людовика XVI, как Матюрен Буэн, член центрального повстанческого ко-

¹ A. Saïtta. *Philippe Buonarroti*, vol. 2. 1951, p. 53 (n. 23).

² Buonarroti's *History of Babeuf's conspiracy for equality*. London, 1836, p. 432.

³ M. Dommanget. *Babeuf et la Conjuration des Égaux*. Paris, 1922, p. 25.

⁴ A. Mathiez. *Le directoire*, Paris, 1934, p. 198.

⁵ G. Walter. *Babeuf et la conspiration des Égaux*. Paris, 1937, p. 128.

⁶ G. Lefebvre. *Napoléon*. Paris, 1947, p. 290.

митета 31 мая, как Клод-Антуан Фике, один из руководителей парижской революционной полиции и организатор прерияльского восстания, как Жозеф Бодсон, член Совета Коммуны, посылавшийся еще в 1792 г. с ответственнейшими миссиями Исполнительным советом, видный эбертист, как Парен, участник взятия Бастилии, командовавший армией в Вандее (права, очень плачевно закончивший свою жизнь, в качестве одного из руководителей тайных агентов в министерстве Фуше).

В военном комитете были такие видные и популярные люди, как Жан Россиноль, рабочий-ювелир, вышедший из Сен-Антуанского предместья и ставший генералом, Фион, бывший льежский бургомистр, Массар — оба генералы. Кажется странным, что при таком обилии людей, хорошо известных революционному Парижу, единственным «агентом связи» между ними был поставлен мало известный Дидье. Однако такое впечатление создается только потому, что до сих пор очень красочная и яркая биография Дидье совершенно не изучалась, что не собраны воедино даже сведения о нем, разбросанные в различных опубликованных печатных источниках и монографиях, что не устранено до сих пор недоразумение, связанное с двойной фамилией Дидье, бывшее выгодным для него по конспиративным соображениям, но введшее в заблуждение даже наполеоновскую полицию.

I

К сожалению, первые сведения, которыми мы располагаем о Дидье, относятся только к 10 августа 1792 г. В протокол заседания секции Французского театра (переименованной после восстания в Марсельскую, в честь марсельского батальона) от 11 августа занесено заявление «Дидье-Журдейля, пристава в трибунале департамента Парижа, одного из солдат, завоевавших свободу против тиранов и изменников-австрийцев из Тюильри». О нем сообщается, что в разгар событий Дидье захватил лошадь в дворцовой конюшне павильона Марсан и объездил всю столицу, «призывая граждан направляться к Тюильри и посылать туда оружие для осады дворца». Секция постановила выразить Дидье благодарность и переслать письмо об этом председателю Законодательного Собрания⁷.

11 августа секция назначает двух «гражданских курьеров» (*courriers civils*). В их обязанность входит «направляться повсюду, где явится необходимость, внутри и вовне, связываться с секциями, мэром Коммуны, главнокомандующим, со всеми существующими властями с тем, чтобы давать или получать все сведения и указания, которые могут быть полезны для общего дела, сообщать об этом секции так, чтобы всегда оберегалось дело спасения отечества»⁸. На этот пост секцией были назначены Веррьер и Дидье-Журдейль.

Имя Бюиретта де Веррьеря известно очень хорошо. Он был виднейшим деятелем клуба Кордельеров и одним из организаторов демонстрации 17 июля 1791 г. Вместе с Моморо и будущим наполеоновским маршалом Брюном он был арестован после демонстрации и освобожден последним. Как адвокат Веррьер вел все процессы парижских демократов: он защищал Сантерра против Лафайета и его адъютанта Демотта, вел дело по избиению в Сен-Шапель, дело Ротондо, в судьбе которого принимал близ-

⁷ Tuetey. Répertoire général des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Révolution française, t. V, p. 286, № 2301.

⁸ Tuetey. Op. cit., t. 5, p. 492; F. Braesh. La commune du 10 août, Paris, 1910, p. 424.

кое участие Марат, защищал издательницу Марата, Коломб, против Этьенна, был хорошо знаком с Маратом⁹. В марте 1792 г. Веррьер, вместе с Венсеном, Моморо и Жаком Ру, был назначен комиссаром клуба Кордельеров для распространения предполагавшегося Маратом к изданию проспекта «Школы гражданина»¹⁰. После смерти Веррьеря летом 1793 г. «его сердце, вместе с сердцем Марата 28 июля 1793 г. были временно прикреплены к своду клуба Кордельеров»¹¹. Назначение Дидье одновременно с Веррьером показывает, что он достаточно хорошо был известен секции и пользовался в ней значительным авторитетом. Жану Баптисту Дидье было уже в это время тридцать два года¹², — можно не сомневаться, что его деятельность в секции началась значительно раньше 10 августа. Нужно не забывать, что секция Французского театра (в 1789 г. дистрикт Кордельеров) была одной из наиболее революционных в Париже, что в ней действовали Дантон, Демулен, Бильо-Варенн, Фабр д'Эглантин, Сержан, Моморо, Фрерон. Не может быть и речи о том, чтобы случайный человек выдвигался в такой секции на серьезные, доверенные посты.

12 августа секция назначает революционный комитет, позднее именуемый «наблюдательным», — первый комитет такого типа в парижских секциях, послуживший прообразом для наблюдательного комитета Парижской Коммуны. Его председателем был избран Буше де Сен-Совер, прозванный Лежандром «квартирмейстером Марата», в 1789—1791 гг. укрывавший Марата от всех преследований, одно время председатель клуба Кордельеров, будущий член Конвента. Комиссарами комитета стали Венсен, позднее генеральный секретарь военного министерства при Бушотте, один из руководителей эбертистов, Берже и Дидье-Журдейль¹³. В конце августа этот комитет уже под названием «наблюдательного» продолжает действовать под председательством Буше де Сен-Совера; секретарями его являлись Журдейль и Гинар¹⁴. Когда 16—17 августа администраторы полиции и наблюдательный комитет Коммуны поручали наблюдательному комитету Марсельской секции арестовать проживавшего на территории секции Бетюн-Шарона и произвести обыск в его замке в Ормесоне (деп. Сены и Уазы), секция возложила это поручение на Дидье-Журдейля, Франсуа Бонневилля (кузена Н. Бонневилля, организатора «Со-

⁹ A. Mathiez. Le club des Cordeliers pendant la crise de Varennes. Paris, 1910; Nouveaux documents inédits. Supplement. Paris, 1913 (книга почти целиком посвящена документам о Веррьеря); Tuetey. Op. cit., t. VI.

¹⁰ 12 июня 1791 г. Марат, предлагая создание «кассы сопротивления», призывал Дантона, Сержана... Парена, Веррьеря (курсив наш. — В. Д.), Дюфурни и других честных патриотов стать во главе, показать пример» («L'Ami du peuple», № 688).

¹¹ Tuetey. Op. cit., t. VI, p. 2, № 12. В «Ami du peuple», № 627 (12.IV 1792) напечатано постановление клуба Кордельеров по поводу возобновления газеты, за подписью председателя Эбера и комиссара Веррьеря.

¹² Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la Révolution française, t. XXVIII, p. 395; A. Mathiez. Nouveaux documents inédits, p. 5.

¹³ F. Braesch. Op. cit., p. 305. Général Herlaut. Le colonel Bouchotte, ministre de la guerre en l'an II. Paris, 1946, p. 77. Эрло в своей ценной работе первым осветил подробно на основании впервые им изученных архивных материалов деятельность Дидье-Журдейля в военном министерстве (упоминание об этом было у Tuetey. Op. cit., t. 5. Introduction, p. IV—V). Сведения о возрасте Дидье подтверждаются его показанием при опросе на Вандомском процессе 1797 г., что ему 37 лет. (Débats du procès instruit par la Haute Cour de justice, séante à Vendôme contre Drouet, Babeuf et autres. A Paris chez Beaudouin, an. V, vol. II). Таким образом, 1760 г. (или конец 1759 г.) может считаться установленным годом рождения Дидье.

¹⁴ Braesch. Op. cit., p. 325. Берже вместе с Венсеном входил в состав делегации клуба Кордельеров к патриотическим обществам по вопросу о возобновлении издания «Друга народа», в апреле 1792 г. («Ami du peuple», № 628, 13. IV, 1792).

¹⁵ Tuetey. Op. cit., t. V, p. 495.

циального кружка») и Антуана Руссильона, одного из виднейших кордельеров ¹⁵.

Одновременно уже 11 августа Дидье получил более ответственное поручение в Парижской Коммуне. До 10 августа во главе парижской полиции стояли четыре администратора: Сержан, бывший председателем секции Французского театра, Панис, Перрон и Винье. Оба последних были отстранены после восстания. Сержан стал искать им заместителей среди деятелей хорошо ему известной секции, игравшей такую важную роль в событиях 10 августа; его выбор остановился на «двух наиболее видных деятелях секции», Дюплене и Дидье-Журдейле ¹⁶.

Как и Веррьер, Пьер-Жак Дюплен принадлежал к числу руководителей секции и клуба Кордельеров. Накануне резни на Марсовом поле, он, по сообщению Матьеа, участвовал в совещании у Дантона вместе с Демуленом, Фрероном, Брюном, Фабром д'Эглантинном, Сантерром и Моморо ¹⁷.

Дидье не входил в первый состав «наблюдательного комитета», носивший более умеренный характер. Но в составе второго комитета он был одним из основных и деятельнейших членов. Его подпись стоит на всех наиболее важных документах комитета. Она значится, в числе четырех (Панис, Сержан, Журдейль, Дюплен), на сообщении «администрации полиции и наблюдения» от 2 сентября 1792 г. о создании комитета и привлечении в его состав еще шести администраторов, в том числе Марата и Дефорга, причем имеется оговорка, что «все находится под строжайшей ответственностью нас, четырех подписавшихся» ¹⁸. Она значится — и притом рядом с Маратом — под знаменитым обращением комитета от 3 сентября с призывом следовать примеру парижских народных казней. Оригинал этого обращения, правда, не был найден, и его подлинность, а также авторство подвергаются сомнению. На адресе комитета, зачитанном 7 октября 1792 г. в Конвенте «в ответ его клеветникам», в числе девяти подписей есть и имя Журдейля ¹⁹.

Для характеристики роли Дидье-Журдейля в «наблюдательном комитете» существует очень любопытное свидетельство никого иного, как Эбера! В момент, когда жирондисты открыли наступление против Коммуны и главной мишенью избрали «наблюдательный комитет, обвиняемый в организации «сентябрьской резни», Эбер как заместитель прокурора Коммуны поспешив отмежеваться от комитета, жаловался на заседании 25 сентября на «гг. Журдейля (курсив наш.— В. Д.). Марата и Дюплесси (вероятно, Дюплена.— В. Д.), постоянно вмешивающихся в эту часть администрации» ²⁰.

Что Дидье был одним из главных деятелей «наблюдательного комитета» подтверждается и тем, что, когда после разгрома прерииальского движения, Конвент перешел к репрессиям против «террористов», «крово-

¹⁵ Ibid., № 4109—4112; P. Caron. La première terreur (1792). Paris, 1950, p. 93—94.

¹⁶ F. Braesch. Op. cit., p. 305, 365; Mortimer-Ternaux. Histoire de la terreur, t. 3, Paris, 1868, p. 92. Известно, что в распоряжении Мортимера-Терно были еще документы парижских секций, погибшие во время Коммуны. Поэтому интересно его замечание: «Эти четыре личности, то одни, то при временной помощи делегатов Генерального Совета, остаются главными инициаторами до 2 сентября» (Ibid., p. 93).

¹⁷ A. Mathiez. Le club des Cordeliers ..., p. 132.

¹⁸ Mortimer-Ternaux. Op. cit., t. 3, p. 216 (четыре подписи — Пьер Дюплен, Панис, Сержан, Журдейль).

¹⁹ M. Tourneux. Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la Révolution. 1894, t. 2. Адрес был напечатан в типографии Дюплена.

²⁰ Braesch. Op. cit., p. 600.

пиец» (*buveurs du sang*), «сентябристов» (*septembriseurs*), имя Журдейля всплыло одним из первых ²¹.

Деятельность в наблюдательном комитете лично сблизила Дидье с Маратом. Их совместные подписи имеются на ряде документов. Вполне возможно, конечно, что они были знакомы и раньше. Во всяком случае, — что не было отмечено авторами, упоминавшими имя Дидье-Журдейля, — в «списке людей, оказавших важные услуги отечеству», в числе поддерживаемых им кандидатов в Конвент Марат, вслед за именами Робеспьера, Дантона, Паниса, Бильо-Варенна, за Дефоргом, одним из виднейших деятелей «наблюдательного комитета» и рядом с уже упоминавшимися нами П. Ж. Дюпленом, назвал и Журдейля (на двенадцатом месте). Больше того, он выделил прокурора Коммуны Манюэля, Дефорга, Журдейля, Дюплена, Раффрона дю Труйе (одно время председателя Коммуны и позднее члена Конвента) в отдельную группу «верных защитников свободы»: они не только следовали великим принципам революции, но защищали ее с оружием в руках ²².

Журдейль-Дидье был, таким образом, уже в 1792 г. одним из руководителей секции Французского театра, администратором парижской полиции, одним из основных членов знаменитого сентябрьского «наблюдательного комитета» и кандидатом в Конвент, выдвинутым самим Маратом.

Отметим, что нежелание привлекать к себе внимание как «сентябристу» заставляло, вероятно, Дидье в период его нелегальной деятельности после 1794 г. опускать вторую часть своей фамилии, в результате чего весь первый, интереснейший период его революционной деятельности выпадал из поля зрения ряда историков, упоминавших фамилию Дидье.

II

В «наблюдательном комитете» Дидье оставался до его ликвидации, до октября — начала ноября 1792 г. 1 декабря он получает новое направление. В связи с назначением Н. Паша военным министром начинается борьба за демократизацию этого важнейшего, в тех условиях, государственного органа. Пришедший вместе с Пашем в министерство Венсен рекомендует Дидье-Журдейля, который назначается начальником одного из бюро 6-го отдела министерства ²³.

Однако Дидье уделяет, по-видимому, в этот период еще мало внимания министерству, а вскоре, продолжая в нем числиться, и совсем перестает его посещать. 13—15 марта 1793 г. Конвент принимает решение о создании чрезвычайного трибунала. В первом же его составе в число присяжных заседателей введен был Журдейль-Дидье ²⁴. В списке, с указанием «Марсельская секция», есть и ряд других лиц, знакомых уже нам по совместной деятельности с Дидье в секции Французского театра, в том числе П. Ж. Дюплен (заместитель присяжного), Антуан Руссильон и

²¹ «*Moniteur*» (Reimpression), t. XXIV, p. 603.

²² *Marat. Ami du peuple aux amis de la patrie* (6-ка Ин-та марксизма-ленинизма — листовка, изданная 5 сентября 1792 г.; перепечатана Ch. Vellay в его сборнике памфлетов Марата) — рус. перевод: Ж. П. Марат. Избранные произведения. Под ред. акад. В. П. Волгина, т. 3, М., 1956, стр. 127.

²³ *Herlaut. Op. cit.*, t. I, p. 77.

²⁴ H. Wallon. *Histoire du tribunal révolutionnaire de Paris*, t. I. Paris, 1880, p. 454.

Кретъен-«limonadier», кордельер, участник движения на Марсовом поле, впоследствии владелец пресловутых «Китайских бань» — штаб-квартиры бабувистов в 1796 г.

Сохранилось письмо Дидье-Журдейля министру юстиции, в котором он «принимая миссию, доверенную ему Конвентом, назначившим его одним из присяжных революционного трибунала», обещает «выполнять их, как подлинный республиканец от всей души и с чистой совестью»²⁵.

В конце марта Дидье, в качестве временного общественного обвинителя, приводит к присяге Фукье-Тенвилля и других членов трибунала, в том числе будущего мэра Коммуны Леско-Флерио²⁶.

По характеристике главного пристава трибунала Н. Пари-Фабрициуса, Дидье принадлежал к числу «крепких» (*solides*) присяжных²⁷. Что понималось под этим термином, очень хорошо разъяснил на процессе Фукье-Тенвилля другой присяжный, столар Треншар, ставший тоже впоследствии участником бабувистского движения: «Если рассматривать как крепких тех, кто служил отечеству, то я тоже крепкий и должен рассматриваться как виновный. Революционный присяжный заседатель не является обычным присяжным заседателем; тогдашние присяжные не были законоведами; это были честные санюлоты, чистые люди, люди природы»²⁸. Перед процессом дантонистов «Жану Баптисту Дидье» было послано специальное приглашение присутствовать в качестве заседателя. Любопытно, что из двенадцати приглашенных заседателей четверо имели отношение к движению Бабефа (Дидье, Треншар, художник Топино-Лебрэн, казненный при Наполеоне, и лионец виноторговец Гравье, тоже близко стоявший к Робеспьеру)²⁹. После издания закона 22 прерияля об усилении террора, в новом составе присяжных значилось снова имя Дидье, о чем ему напомнил обвинитель на Вандомском процессе³⁰.

В качестве «*solide*» слесарь Жан-Баптист Дидье привлекался по процессу трибунала (так называемому «делу Фукье»), но не был обнаружен. Об оценке в реакционных кругах его деятельности можно судить по злобному отзыву «*Moniteur*» в 1797 г., во время Вандомского процесса: «уверяют, что этот Дидье был присяжным знаменитого революционного трибунала, что он никому не давал отметки «хорошо» (*la boule blanche*), что среди многочисленных лиц, о которых он должен был высказать свое суждение, он не нашел ни одного невинного»³¹. Кстати, это утверждение очень легко опровергнуть: 12 апреля 1793 г., вместе с Дюпленом и

²⁵ Tuetey. Op. cit., t. VIII, p. 227, № 1566.

²⁶ «Reception par le citoyen Didier Jourdeuil l'accusateur public provisoire du serment et installation d'Antoine Fouquier-Tenille etc.» (Tuetey. Op. cit., t. VIII, p. 230. N 1585).

²⁷ H. Wallon. Op. cit., t. I, p. 295.

²⁸ H. Wallon. Op. cit., t. IV, p. 112—113.

²⁹ Tuetey. Op. cit., t. II, p. 253. Приглашение было адресовано Жану Баптисту Дидье, сапожнику (I), секция Пик. Попутно отметим, что у Валлона в сводном списке присяжных заседателей есть и Журдейль, и Дидье, «красильщик из Шуази на Сене». В первом же списке присяжных в марте 1793 г. ясно указан Журдейль-Дидье из Марсельской секции. По процессу Фукье-Тенвилля привлекался «Жан Баптист Дидье, слесарь» (H. Wallon. Op. cit., t. VI, p. 100).

В Шуази жили близкие родственники Дюпле. Если верно, что Дидье жил раньше в Шуази, то, возможно, отсюда идет и его близкое знакомство с семьей Дюпле (A. Mathiez. *Autour de Robespierre*, p. 153).

³⁰ Discours des accusateurs publics. Vendôme. An. V, p. 161—162 (раздел речи «Didier»). Библиотека Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

³¹ «*Moniteur*» (Réimpression), t. XXVIII, p. 626.

Кретьеном, Дидье участвовал в заседании трибунала, закончившимся триумфальным оправданием Марата ³².

В феврале 1793 г. Паш был заменен на посту военного министра кандидатом умеренных Бернонвиллем. Демократические «ставленники» Паша были, по большей части, удалены из министерства. Дидье в это время целиком был занят в трибунале. Однако 6 апреля твердыня военного министерства снова была захвачена демократами, и министром был назначен полковник Бушотт. Вместе с ним в министерство пришел ряд видных деятелей революционного Парижа, много будущих эбертистов. Генеральным секретарем министерства становится Венсен. Вместе с ним, Ксавье-Одуэном, Ронсеном, Виленом д'Обиньи в министерство возвращается и Дидье. Этот период его жизни стал нам известен в основном благодаря очень ценной работе генерала Эрло.

Летом 1793 г. министр юстиции сообщает Конвенту, что «Журдейль и Дюмон, числящиеся в списке присяжных заседателей, хотя и не подали в отставку, но отказались от получения жалованья. Так как места, занимаемые ими теперь в двух учреждениях, не позволяют им выполнять те обязанности, к которым они сперва были призваны, они должны быть замещены» ³³. Отметим, кстати, исключительную бескорыстность Дидье, обремененного многочисленной семьей, — не даром он с полным правом заявил на Вандомском процессе: «я вышел нищим (*indigent*) из хаоса революции» ³⁴.

По решению Конвента военное министерство было разбито тогда на шесть отделов, возглавляемых помощниками военного министра. Один из отделов — пятый — возглавлялся с мая 1793 г. Дефоргом, видным деятелем секции Французского театра, членом сентябрьского «наблюдательного комитета», секретарем Дантона. Когда Дефорг был назначен министром иностранных дел, 5-й отдел был передан Дидье-Журдейлю, ставшему, таким образом, одним из заместителей Бушотта ³⁵.

В ведение 5-го отдела входила общая переписка, рассылка распоряжений, передвижение войск, регулярных и национальной гвардии, пополнение армии, личный состав генералитета. Отдел был вторым в министерстве по количеству служащих — 77 из 453.

Судя по сохранившимся многочисленным документам, Дидье-Журдейль был одним из основных работников министерства с лета 1793 г. до весны 1794 г. Он состоял в тесной связи с парижскими секциями по вопросу об отпусках, предоставлявшихся временно парижанам по ходатайству секций и за подписью Журдейля, о вербовке в армию, об освобождении из плена парижан, «этой важнейшей части самых ревностных защитников отечества» ³⁶. Его представление о размещении в Версале кавалерии революционной армии рассматривалось в октябре 1793 г. Конвентом ³⁷, причем оно имело серьезный политический характер. В записной книжке Робеспьера значилось: «Держать революционную армию наготове: отозвать ее части в Париж, чтобы расстроить заговор». Именно с этой записью Робеспьера А. Матьез связывал предложение Журдейля (для ввода войск в Версаль, ввиду его близости к столице, требовалось разрешение собра-

³² Wallon. Op. cit., t. I, p. 151, note.

³³ Tuetey. Op. cit., t. VIII, p. 243, № 1674.

³⁴ «Moniteur» (Reimpression), t. XXVIII, p. 699.

³⁵ Herlaut. Op. cit., t. I, p. 79.

³⁶ Ibid., p. 316.

³⁷ «Moniteur», t. XVIII, p. 135. A. Mathiez. Robespierre terroriste. Paris, 1921, p. 62 et note.

ния). Комитет общественной безопасности деп. Парижа многократно направлял в его распоряжение военных, вызывавших подозрения.

В острой борьбе вокруг командования в Вандее Журдейль-Дидье осенью 1793 г. принимал самое активное участие: он поддерживал Россиньоля, давал директиву об устранении Вестермана³⁸.

Эрло, первый тщательно изучивший архивные документы за период пребывания в военном министерстве Бушотта, перечисляя вдохновителей демократической политики министерства, указывает: «Венсен, Ронсен, Сижа, Журдейль, так хорошо известные в революционных кругах столицы, побудили Бушотта использовать мощь революционных комитетов, народных обществ, объединявших в огромную связку (*faisceau*) всех революционеров Парижа»³⁹.

Начавшаяся весной 1794 г. борьба против эбертистов не могла не коснуться Бушотта, которого не раз уже пытались вытеснить из министерства. Показателем значения Дидье в министерстве, считавшегося, по-видимому, одним из его надежнейших помощников, может служить «дело Ивера», описанное Эрло, созданное одним из будущих термидорианцев Бурдоном (из Уазы) специально против Журдейля и Бушотта. С ведома Бушотта, Журдейль послал командующему северной армией ген. Журдану своего представителя, Ивера, с директивой о переброске 15 тыс. солдат. Ивер пропал неизвестно куда, не выполнив своевременно поручения. Но так как за это время пал Лилль, противники Бушотта инсценировали жалобу жены Ивера в правительственные комитеты на Журдейля, пославшего якобы Ивера с директивой о сдаче Лилля, а сейчас содержащего его, из боязни перед разоблачением, под тайным арестом⁴⁰.

«Дело Ивера» явилось одним из поводов к снятию Бушотта (1 флореаля II г. — 20 апреля 1794 г.) и, впоследствии, для привлечения Журдейля к суду. Как мы увидим, Дидье и Ивер встретились через много лет в совершенно неожиданной обстановке.

Мы подошли к критическому моменту революции, 9 термидора. Как известно, целый ряд будущих бабувистов, в том числе и сам Бабеф, заняли тогда неправильную позицию. Тот же Треншар, мужественное заявление которого на процессе Фукье мы уже приводили, писал 11 термидора своему брату канониру: «Произошедшее событие должно научить патриотов, что лучше быть другом народа, чем стать предметом идолопоклонения людей»⁴¹. Но Дидье и это испытание выдержал с честью.

Дидье был активным членом Якобинского клуба, — и в оларовском издании протоколов, и в «*Moniteur*» сохранились записи его выступлений. Для его твердой, негнбимой позиции характерно выступление 31 января 1794 г., в котором он предлагал отказать в присоединении к центральному клубу всем обществам, возникшим после 31 мая 1793 г.⁴²

Мы не имеем возможности проверить сообщение Матеза о том, что Дидье был личным телохранителем Робеспьера. Оно основано, вероятно, на заявлении, поданном Дидье, Шатле и Буланже комитету общественной безопасности (4 прериаля II г.) о странном посещении дома Дюпле Цецилией Рено, искавшей Робеспьера, и послужившим основой для процесса

³⁸ Tuetey. Op. cit., t. XI (письмо Россиньолю от 17 сентября 1793 г.). Там же ряд документов, адресованных Журдейлю комитетом общественного спасения департамента Парижа.

³⁹ Herlaut. Op. cit., t. I, p. 4319.

⁴⁰ Herlaut. Op. cit., t. II, chap. IX («L'affaire Hyvert»).

⁴¹ H. Wallon. Op. cit., t. VI, p. 118.

⁴² «*Moniteur*» (Réimpression), t. XIX, p. 337.

в трибунале⁴³. Личную свою близость с Дюпле, квартирохозяевами Робеспьера, Дидье признал на Вандомском процессе, хотя объяснял ее (по конспиративным соображениям) чисто деловыми мотивами — соседством по улице Сент Оноре со стюарной мастерской Дюпле, на которую Дидье работал. Не отрицал он и знакомства с дочерью Дюпле — Елизаветой, женой члена Конвента Леба, казненного вместе с Максимилианом, хотя и объяснял его чисто семейными обстоятельствами — знакомством между детьми (в 1796 г. их было у Дидье пятеро, в 1800 г. — семеро)⁴⁴. Но опубликованные недавно А. Саитта письма Буонарротти к Шарлю Тесту являются важным свидетельством, подтверждающим очень большую личную близость Робеспьера и Дидье. Собираясь писать биографию Робеспьера, Буонарротти в двух письмах (10 июня и 26 июля 1830 г.) вспоминает о «слесаре» (Дидье), который «был когда-то очень связан с этой фамилией» (Дюпле. — В. Д.) и «пользовался даже доверием великого человека. Мне очень хочется сделать что-нибудь для того, чтобы пролить возможно больше света на добродетели этого человека, но у меня нет материалов о его личной жизни и прежней деятельности». Такими материалами мог бы располагать «слесарь», но, со вздохом добавляет Буонарротти, «время так меняет сердца»⁴⁵.

Как бы то ни было, о позиции Дидье 9 термидора мы имеем совершенно точное свидетельство. В протоколах якобинского клуба значится, что в два с половиной часа утра 10 термидора решено было послать делегацию клуба в помещение Парижской Коммуны (где находился тогда Робеспьер), чтобы «объединиться с ней и бодрствовать для спасения республики». Существуют два варианта состава делегации (в 10 и 15 человек), и в обоих значится имя Дидье!⁴⁶.

III

Где был Дидье от 9 термидора до прериаля, мы, к сожалению, не знаем. Как мы отмечали, он привлекался по делу Фукье-Тенвилля, но сумел скрыться.

Когда сейчас же вслед за подавлением прериальского движения воспрянувший духом термидорианский Конвент начал искать новых жертв, головы Дидье-Журдейля как «сентябриста» потребовал 13 прериаля (1 июля) 1795 г. депутат Финистера Марек: «Журдейль, один из подписавших циркуляр (наблюдательного комитета. — В. Д.), был помощником министра Бушотта. Вы постановили, что Бушотт должен предстать перед уголовным судом деп. Эры и Луары. Я думаю, что вы должны постановить и в отношении Журдейля, который, кроме преступлений, в которых он повинен в связи с этим циркуляром, совершил еще одно дело — похитил г. Ивера. Несмотря на то, что ему предписано дать знать о себе, неизвестно, жив он или умер»⁴⁷.

⁴³ Tuetey. Op. cit., t. XI, № 604.

⁴⁴ «Я был слесарем, я работал для гражданина Дюпле. Вы знаете, что когда работаешь для кого-нибудь, может случиться, что он приходит к вам на дом». («Procès instruit par la Haute Cour», t. II, p. 408—410); J. Destrem. Les déportations du consulat. Paris, 1878; A. Aulard. Paris sous le consulat, t. II.

⁴⁵ A. Saitta. Op. cit., vol. II, appendix, B, p. 51, 53.

⁴⁶ «La société des Jacobins». Recueil des documents, par A. Aulard, t. VI, p. 292 (et note).

⁴⁷ «Moniteur». t. XXIV, p. 603.

Конвент постановил предать Журдейля уголовному суду деп. Эры и Луары, где в то время готовился процесс Паша, Бушотта, Ксавье Одуэна, Вилена д'Обиньи, Клеманса и Маршана (двух руководителей центрального комитета 31 мая) и др. На этот раз Дидье не удалось скрыться от преследований. 20 прериала (18 июня) 1795 г. он прибыл в Шартр. К этому же процессу был приобщен и Жан Россиньоль ⁴⁸.

Однако «досье Паша» оказалось настолько бессодержательным, что следствие, при всем желании, никак не могло сфабриковать процесса. Подготовка дела затянулась до окончания работ Конвента, и на обвинениях, несмотря на протесты, была распространена амнистия 4 брюмера III г. ⁴⁹. Дидье возвращается в Париж, и в жизни этого неутомимого революционера начинается новый период. Так как деятельность Дидье в это время носила почти исключительно нелегальный характер, то наши сведения о нем крайне скупы и отрывочны. Они, однако, тем более драгоценны, что дают возможность — пусть очень бегло — проследить его путь от общества «Пантеона», к которому Дидье, по собственному признанию на процессе, примкнул сразу же, до 1807 г.

Дидье принадлежал к числу тех якобинцев-робеспьеристов, как Буонарроти, Дарте, Феликс Лепелетье, Дюпле, которые сумели сделать шаг вперед и примкнуть к коммунистическому движению Бабефа. При этом Дидье играл отнюдь не пассивную роль. По свидетельству самого Буонарроти, привлечение и его, и Дарте в состав «повстанческой директории» произошло по настоянию именно Дидье (к Дарте он был особенно близок, — они проживали вместе, если не в одной квартире, — что Дидье отрицал на суде, — то в одном доме) ⁵⁰. Вместе они спасали Бабефа, когда полиция сделала первую попытку его ареста, вместе дали ему убежище.

Из показаний Гризеля мы знаем, что не было ни одного сколько-нибудь важного совещания, на котором не присутствовал бы Дидье, не было ни одного существенного шага, к которому он не был бы причастен. Можно с полным правом утверждать, что если Бабеф и Буонарроти были политическими вдохновителями движения, то Дидье был его организационным руководителем. И при всем том, единственной уликой для обвинения был его арест на квартире плотника Франсуа Дюфура, совместно с Друз, Дарте и др., — настолько осторожен и осмотрителен был Дидье в своей нелегальной деятельности! Превосходную его характеристику оставил Буонарроти: «Не было лучшего агента связи, чем Дидье (в тексте Эридди. — В. Д.); его усердие, активность, ловкость и скромность были всегда выше всякой похвалы. Хотя согласно введенному уставу этот агент не должен был быть знаком ни с членами директории, ни с их действиями, безупречность его патриотизма, его благоразумие и испытанная преданность снискали ему их полное доверие; это доверие было беспредельно, и Дидье воспользовался им, чтобы склонить членов тайной директории к принятию Дарте и Буонарроти, которые, в свою очередь, добились принятия Дебона» ⁵¹.

Как известно, от своего первоначального намерения — признать существование заговорщической организации и обосновать ее правомерность, —

⁴⁸ Herlaut. Op. cit., t. II, p. 315—324.

⁴⁹ A. Sée. Le procès Pache, Paris, 1911. A. Sée опубликовал также специальный этюд, посвященный деятельности Клеманса и Маршана, как комиссаров Коммуны.

⁵⁰ По соседству с Робеспьером, особенно хорошо относившимся к Дарте, по ул. С. Оноре, д. № 70.

⁵¹ Буонарроти. Заговор во имя равенства. Пер. Э. А. Желубовской, под ред. В. П. Волгина, т. I, М., 1948, стр. 190.

Бабеф, по настоянию ряда обвиняемых, против которых не было веских улик, должен был отказаться. Тактика обвиняемых на Вандомском процессе состояла в отрицании существования организации. Эту линию Дидье проводил очень стойко — он принадлежал, вообще, к числу наиболее активных участников процесса — и настолько успешно, что ему удалось добиться оправдательного вердикта.

Мы снова теряем нить биографии Дидье до 1799 г. Но как только, после переворота в фруктидоре, якобинско-бабувистская оппозиция получает короткую возможность легальной деятельности, мы снова встречаемся с Дидье.

В 1799 г., в «обществе Манежа», рядом с такими участниками движения Бабефа, как Феликс Лепелетье, Матюрен Буэн (агент IV округа) рядом с однодельцами по процессу Паша, Клемансом, Маршаном, Бушотом, мы находим и Дидье. Его упоминает и Олар в своих «Последних якобинцах»⁵², выступление Дидье 5 августа 1799 г. приводит и «Moniteur». В нем он критикует законодательный корпус за то, что тот не разоблачает маневров монархистов, «клеветующих на собрания (в Манеже), в надежде ослабить энергию республиканцев»⁵³.

Совершенно понятно, что уже в первом проскрипционном списке этих «энергичных республиканцев», изданном сейчас же за переворотом 18 брюмера, числится Дидье⁵⁴. Однако Дидье от преследований полиции сумел уйти.

Переворот 18 брюмера привел к некоторой дифференциации в республиканских группировках. Не только Реаль, недавний защитник Бабефа, поддерживавший еще в 1799 г. переписку с Буонарроти, не только Барер, недавний руководитель комитета общественного спасения, письмо которого с одобрением переворота было опубликовано «Монитором», но и герой Варенна Друэ, нашедший в себе мужество после возвращения из австрийского плена заявить, что будь он во Франции эти годы, он был бы с Робеспьером, присоединились, в той или иной форме, к Наполеону.

Но все-таки основной костяк старой, санкюлотской гвардии революционного Парижа и после 18 брюмера пытался продолжать борьбу. «История двойного заговора» в IX г. представляется и сейчас еще крайне неясной, — по существу, после книги Фескура (в 1819 г.) выяснилось очень немного⁵⁵. Во всяком случае, как показал Фр. Массон в своей статье «Якобинские заговоры после брюмера», попытки воссоздать якобинско-бабувистскую организацию безусловно имели место, и, как оказывается, Дидье был к ним причастен⁵⁶.

Известны три «якобинских» группы, разгромленные наполеоновской полицией и, вероятно, между собою связанные. В первой группе Шапеле фигурировал плотник Франсуа Дюфур, на квартире у которого Дидье, вместе с Дарте и Друэ, был арестован в 1796 г. Вторая группа собиралась вокруг Шевалье и третья вокруг Чераччи, Топино-Лебрена и Арена. «Дидье, — писала о нем наполеоновская полиция в 1807 г., — фигурировал почти во всех анархистских вертепах и был разыскиваем в связи с заговором Шевалье»⁵⁷.

⁵² A. Aulard. *Études et leçons sur la Révolution française*. Septième série: «Les derniers Jacobins». Paris, 1913, p. 93.

⁵³ «Moniteur» (Réimpression), t. XXIX, p. 768.

⁵⁴ «Le Moniteur universel», 29 brumaire, an. VIII; A. Aulard. Paris sous le consulat, t. I. J. Destrem. Le dossier d'un déporté, p. 87.

⁵⁵ Fescourt. Histoire de la double conspiration. Paris, 1819.

⁵⁶ F. Masson. Les complots Jacobins au lendemain de Brumaire. «Revue des études napoléoniennes», t. I. 1922, p. 11—12.

⁵⁷ E. Hauterive. La police secrète du premier Empire. Paris, 1922, t. 3, p. 422.

Шевалье еще во времена Комитета общественного спасения выступил с проектом применения «греческого огня», своеобразного «ракетного оружия» для уничтожения флота противника, и получил лабораторию для производства опытов в Медоне. 25 вандемьера IX г. Шевалье производил испытание «ракеты», предназначавшейся против Наполеона. Дидье (из Вандома) на нем присутствовал. Больше того, в цитируемом Масссном сообщении, Шевалье и Дидье фигурируют как будущие метальщики оружия. Насколько это верно, установить трудно, но, во всяком случае, во втором наполеоновском проскрипционном списке (14 нивоза IX г.), в связи с взрывом на улице Никез, Журдейль-Дидье снова упоминался (на этот раз уже как одно лицо)⁵⁸.

Эта проскрипция привела к мученической смерти ряда выдающихся представителей «санкюлотского персонала», в том числе Россиноля, Буэна, Кретьена, Кордэ. Но Дидье вновь (в третий раз!) ушел от преследований. На этот раз след его затерялся настолько глубоко, что еще в 1878 г. автор работы о судьбе «сосланных при консульстве» Жан Дестрем писал: «Журдейль умер в неизвестности в первые годы столетия. Удалось ли ему ускользнуть? Умер ли он в тюрьме? Я этого не знаю»⁵⁹.

Однако благодаря опубликованным Отеривом донесениям наполеоновской полиции, мы можем проследить и дальше биографию Дидье. В 1805 г. он возбудил ходатайство о разрешении ему вернуться под поручительство брата, военного комиссара в Эвре. На ходатайстве было отмечено, что Дидье скрылся от высылки в IX г., и Фуше дал распоряжение установить за ним наблюдение⁶⁰. В следующем году поступило сообщение о самоубийстве Дидье⁶¹. Но уже в конце 1807 г. имя Дидье снова появляется в донесении парижской префектуры, на этот раз в связи с раскрытием целого «анархистского заговора», в центре которого стоит Дидье⁶².

7 ноября 1807 г. полицией было задержано семь лиц, среди них «Фурнеро, Плансон, Гийемине, Лекривен, бывший пристав в революционном трибунале, Дидье, слесарь, присяжный того же трибунала, Бело и Коше... Фурнеро и Дидье признали, что некий Ивер, местожительство которого неизвестно, посещал их, сделал им предложения и должен был встретиться с ними в ближайшее воскресенье, чтобы сообщить им о своих преступных замыслах. Ивер совершенно незнаком полиции, по крайней мере, под этим именем. Его активно разыскивают. Другие обвиняемые ни в чем не признались, у них не найдены ни бумаги, ни какие-либо вещественные доказательства»⁶³.

Так история снова свела Ивера с Дидье. Действительно ли слывущая столь осведомленной полиция Фуше не знала Ивера? В этом случае, ее репутация явно преувеличена,— Ивер был достаточно хорошо известен в парижских секциях в 1792—1794 гг., а «дело Ивера» имело немалую огласку. Но, возможно, что он играл роль «барана» (*mouton*), подосланного лица, в чем, по-видимому, и заподозрил его Дидье, сразу от него отгородившийся. Так или иначе, уже через три дня Ивер был разыскан.

Если Ивер в жизни Дидье играет все время темную роль, то гораздо больший интерес представляют другие названные полицией имена. Франк-Норбер Коше привлекался по Вандомскому процессу и, как указал Буонарроти, действительно был причастен к организации, хотя о нем наполе-

⁵⁸ «Le Moniteur universel», 19 nivôse an IX, p. 441.

⁵⁹ J. Destrem. Les déportations du consulat. Paris, 1878, p. 44.

⁶⁰ E. Hauterive. Op. cit., t. 1, 1908, p. 221.

⁶¹ Ibid., t. 2, p. 17.

⁶² Ibid., t. 3, p. 422.

⁶³ Ibid.

оновская полиция дает самый положительный отзыв. Но наиболее любопытен Франсуа Луи Фурнеро⁶⁴. Участник взятия Бастилии, октябрьских дней 1789 г., демонстрации на Марсовом поле, Фурнеро в ночь на 10 августа председательствовал на собрании секции Кен-Вен (С.-Антуанское предместье). В восстании 31 мая — 2 июня он принимал самое активное участие, был секретарем первоначального комитета 10 в Епископстве, был вместе с Эбером, Клемансом и Маршаном, уже упоминавшимися нами, в составе делегации в Конвент 3 июня. 9 термидора он был вместе с Анрио в Ратуше и был арестован как сторонник Робеспьера. После 12 жерминаля Фурнеро снова пытались арестовать, но толпа вырвала его из рук полиции. Вместе с арестованным 7 ноября Ж. Ш. Лекривеном Фурнеро был в 1793—1794 гг. членом комитета общественного спасения департамента Парижа, неоднократно связывался, как мы уже указывали, с Журдейлем-Дидье как помощником военного министра. Что Фурнеро и Дидье были знакомы в те годы, сомневаться не приходится. Совершенно очевидно, что Дидье со всей присущей ему осторожностью и методичностью делал попытку возродить якобинско-бабувистскую организацию из сохранившихся деятелей революционных секций и Парижской Коммуны.

В докладе от 14 ноября префектура сообщала, что арестованные проводили собрания, делали попытки объединить крайних революционеров (*révolutionnaires exagérés*) и распространять клевету против безопасности государства. «Версаль указывается, как место их сборищ»⁶⁵.

Дидье в своих последующих показаниях подтвердил, что Ивер несколько раз заходил к нему в мастерскую и рассказывал ему о том, что происходило во время революции, но никогда ничего ему не говорил о нынешних событиях. Общий вывод полиции сводился к тому, что за исключением «очень подозрительных» встреч Ивера, Дидье, Жилля и Фурнеро — между всеми остальными обвиняемыми было очень мало общего.

«Его сиятельство», бывший друг Бабефа и будущий — через несколько месяцев — граф империи, Фуше, «предписал» оставить в заключении Ивера, Дидье, Жилля, Фурнеро и Гийемине, а Коше, Велюпа, Плансона, Лекривена освободить, но поставить под особое наблюдение⁶⁶.

На этот раз Дидье не удалось уйти от наполеоновской полиции. Как долго он пробыл в заключении, мы не знаем. Сведений о дальнейшей его жизни нет. Но когда Буонарроти писал Ш. Тесту, «слесарь» еще жил. На бумагах, которые после смерти Буонарроти перешли к Бодеману, есть отметка последнего, относящаяся, вероятно, к 1837 г., — «Дидье, слесарь в то время, является им сейчас»⁶⁷. Год смерти Дидье не установлен. Как отмечает А. Сaitta, ни в одном биографическом словаре нет сведений о Дидье.

* * *

Мы могли дать только набросок биографии Дидье, требующий еще проверки, уточнений и дополнений⁶⁸. Но эта биография, как бы она ни

⁶⁴ См. о нем Tuetey. *Op. cit.*, t. VIII—XI, особенно IX («Introduction», p. LXX). В этих же томах описан ряд документов, где упоминаются имена Лекривена и Ивера.

⁶⁵ E. Hauty. *Op. cit.*, t. 3, p. 430.

⁶⁶ E. Hauty. *Op. cit.*, t. 3, p. 430—431.

⁶⁷ A. Saitta. *Op. cit.*, vol. II, p. 51 (note 23).

⁶⁸ Проф. А. Собуль (Париж), в ответ на наш запрос, сообщил, что он разделяет наше мнение о том, что «Журдейль и Дидье являются одним и тем же лицом», ссылаясь при этом на брошюру, находящуюся в Национальной библиотеке (4⁰ Lb⁴¹ 3416, in 4⁰, 2 p.), подтверждающую это предположение.

была интересна сама по себе, представляется нам типичной для целого поколения «санкюлотского персонала», вожakov секций, деятелей наблюдательных комитетов, революционной армии, парижской полиции, руководителей тех самых парижских плебеев, совершавших революцию 14 июля, 5—6 октября, 10 августа, 2 сентября, без которых, как указал Энгельс, «коалиция в союзе с двором подавила бы революцию»⁶⁹.

Социальные идеи этих руководителей Парижской Коммуны в 1792—1794 гг. были неясны еще им самим. «Чего они хотели,— писал Энгельс,— никто не мог сказать до тех пор, пока, спустя долгое время после падения Коммуны, Бабеф не придал этому определенную форму»⁷⁰. Вст почему совершенно естественно, что костяк бабувистской организации в Париже в 1795—1796 гг. составили именно уцелевшие после 9 термидора, жерминаля и прериала деятели Коммуны. Как раз Дидье-Журдейль, «гражданский курьер» секции Французского театра 11 августа 1792 г., член «наблюдательного комитета» и администратор полиции Парижской Коммуны в сентябрьские дни, «крепкий» заседатель революционного трибунала, оправдавший Марата и судивший Дантона, помощник Бушотта, делегат Якобинского клуба в Коммуне в трагическую ночь 9—10 термидора, является живым воплощением этой, вскрытой Энгельсом, преемственности между Коммуной 1792—1794 гг. и движением Бабефа.

Можно было предполагать, что после термидорианской реакции, после провокации в Гренельском лагере и Вандомского процесса, после закрытия Манежа после 18 брюмера, казней и проскрипции IX г., после «списка 130-ти», лично составленного Наполеоном, «македонская фаланга» этих плебейских революционеров была окончательно уничтожена. Однако биография Дидье особенно интересна тем, что еще и в 1807 г. в Париже, под самым носом наполеоновской полиции, он делает попытку возродить бабувистскую организацию.

То, что не удалось Дидье, удалось на периферии огромной наполеоновской империи Феликсу Лепелетье, сумевшему в ссылке на о. Ре увлечь коменданта крепости полковника Уде⁷¹ и дать толчок к созданию организации «филадельфов», удалось в Женеве Филиппу Буонарроти. Пусть в условиях наполеоновской империи коммунистические идеи отошли на задний план, по сравнению с чисто политическими,— в изменившихся условиях Франции 30-годов XIX в. они снова заняли свое место. Важно то, что «македонская фаланга» сумела перенести идеи Бабефа в XIX столетие. За простой и величественной фигурой Ф. Буонарроти стоят пока безымянные, но имеющие право на историческую память его сотоварищи, такие, как «слесарь Жан-Баптист Дидье-Журдейль»⁷².

⁶⁹ Ф. Энгельс. Письмо к Каутскому от 20 февраля 1889 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, стр. 81.

⁷⁰ Там же, стр. 82.

⁷¹ В составленном Буонарроти списке великих людей, начинающемся с Миноса, за Бабефом и Дарте, «другом Робеспьера и Бабефа», стоит имя Уде, «основателя общества Филадельфов, созданного против тирании Бонапарта», и генерала Мале, с которым близко связан был сам Буонарроти, «пламенного республиканца-демократа» (A. Saitta. Op. cit., vol. II, p. 45).

⁷² Мы не располагали сколько-нибудь точными сведениями о социальном положении Дидье. На процессе он сам отмечал, что его жена и пятеро детей, переселившиеся к нему в Вандомскую секцию, «добывали пропитание только благодаря великодушию его друзей» («Moniteur», t. XXVIII, p. 625). После приказа о высылке Дидье в IX г. тогдашние левые газеты писали о материальной нужде семьи Дидье, в которой в то время было семь детей.

Тематически связанные материалы:

Ф.Буонарротти. Заговор во имя Равенства

В.Далин. Социальные идеи Бабефа накануне революции

В.Далин. Начало политической деятельности Бабефа

В.Далин. Неизвестная рукопись Бабефа

В.Далин. Новые документы об отношении Бабефа к Дантону

В.Далин. Бабеф и Марат в 1789-1790 годах

В.Далин. Гракх Бабеф накануне

и во время Великой французской революции (1785-1794)

Г.Черткова. Барнав, Бабеф:

два взгляда на французскую революцию

Г.Черткова. Гракх Бабеф во время термидорианской реакции

Г.Черткова. От Бабефа к Буонарротти:

движение во имя равенства или Заговор равных?

Ж.Дотри. Бабувистская традиция после смерти Бабефа

и до революции 1830 г.

Ж.-Р.Сюррато. Бабувисты, «красная опасность»

и пропаганда Директории (1796—1798)

М.Домманже. «Равные» и Конституция 1793 года

М.Домманже. Бабеф и заговор равных

П.Щеголев. Заговор Бабефа

Я.Захер. Бабеф и "бешеные"

А.Собуль. Секционеры и бабувисты, их социальный состав

В.Марков. Бабеф и современная ему Германия

С.Бернстайн. Необабувистская печать 1837—1848 гг.

Д.Бовыкин. От Термидора к Директории: Политическая борьба
вокруг принятия Конституции III года республики

Р.Легран. Бабувисты после 18 фрюктидора

В.Погосян. Директория в исторической литературе

А.Собуль. От террора к Консульству: национальная проблема
и социальные реальности

И.Эренбург. Заговор равных

В.Волгин. Великая французская революция и социализм.

Идейное наследие бабувистов

БАБЕФ Франсуа Ноэль (Гракх) <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bf>